

УДК 32

М.С. Колесов, д-р филос. наук, профессор*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***МИФОЛОГИЯ «СТАЛИНИЗМА» И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ 30-40-Х ГОДОВ**

На материале периодической печати 80-х годов XX века рассмотрен механизм мифологизации «сталинизма» в общественном сознании советской эпохи.

История – это не Библия, в неё не надо верить, историю надо знать!

История неотъемлема от мифологии. Власть – это всегда объект культа, объект веры. Мифология власти – целенаправленное формирование исторического сознания. Исторический миф не подлежит сомнению. Одним из инструментов мифологизации власти являются *политические репрессии*, в «оправдание» которых создается сакральная парадигма «врагов народа».

Отношение к И.В. Сталину и политическим репрессиям 30-40-х годов в отечественном общественном сознании до сих пор неоднозначно. Многие публикации, включая «научно-популярные» монографии-романы, ничего, по сути, не проясняют. И дело здесь не столько в степени информированности, сколько в устойчивости советского мифологизированного сознания. В конце концов, споры сводятся к одной альтернативе: был ли Сталин «преступником», уничтожившим «миллионы» *невинных* людей ради «борьбы за власть», либо он был «Великим Вождем», мудро и своевременно расправившимся с «врагами народа» для успешного строительства «светлого будущего» для этого народа? Но это не тот случай, когда «истина рождается в споре».

В связи с этим, прежде всего, следует отличать «политические репрессии» от «массового террора». «Массовый террор» является неизбежным следствием революции. Здесь проявляется историческая закономерность: революция порождает гражданскую войну, а гражданская война – *массовый террор*. Гражданские войны не ведутся «цивилизованными» методами и не руководствуются моральными ценностями, поэтому жертвами их «террора» становятся «массы», т.е. – народ. И «массовый террор» не прекращается с завершением военных действий: победители мстят побежденным. В «советской» России объектами «массового террора» стали «буржуазия», офицерство, казачество, интеллигенция и, наконец, крестьянство как «контрреволюционные классы».

Таким образом, «массовый террор» – это *объективный* фактор революции, а «политические репрессии» – это ее *субъективный* фактор, как *целенаправленная* борьба за власть в среде «победителей». «Массовый террор» предопределяет последующие «политические репрессии».

Примечательно, что революционеры воспринимаются потомками как *боги греческого Олимпа*: они не подлежат оценке человеческой морали. А между тем, люди «приходят в революцию» по различным личным мотивам. И революционеры отнюдь не были «святыми». Им были присущи все те же нравственные достоинства и пороки, что и обычным людям. Только в экстремальной ситуации революционного «надлома» общественной морали, эти личные качества приобретают *гипертрофированный* характер (впрочем, как и в любой экстремальной ситуации, например, на войне). И в постреволюционной борьбе за место у «трона» власти эти качества играли важную роль.

Революция имеет свою логику. Именно эта логика обусловила политическую историю «Великой Октябрьской революции». «Диктатура пролетариата» – это форма *репрессивного* государства. Лидеры «большевистской» партии еще в предреволюционный период отличались *экстремизмом* и *бескомпромиссностью*. Но к 1917 году «большевики» еще не представляли собой сплоченную группу единомышленников. Те, кто «сгруппировался» вокруг В.И. Ленина накануне «Октябрьского переворота», были совершенно разные люди: по возрасту, по образованию, по «революционному опыту». До этого многие годы они были знакомы друг с другом, главным образом, «заочно», будучи разбросанными по всему миру, от Женевы до Нью-Йорка, либо – по лагерям и ссылкам. В большинстве своем, это были еще молодые люди (средний возраст – 30 лет!), у некоторых не было даже законченного среднего образования, и *никто* не имел какого-либо опыта *управления*!

Как следствие этого, были совершенно неизбежны «шараханья» (от одного съезда к другому) в ставшей неожиданно «массовой» партии и в ее руководстве, которое вскоре, после смерти Ленина, существенно обновилось. «Дискуссии» и личные «разногласия» по поводу того, каким должен быть «социализм в отдельно взятой стране», были естественными. Но страна должна была *выживать* в данных «чрезвычайных» обстоятельствах. Альтернативой этому императиву могло быть только *поражение* Советской власти, а значит – политический крах большевистской партии. Это был вопрос *жизни и смерти*! Именно здесь находятся истоки бескомпромиссной борьбы внутри партии.

Еще при Ленине в руководстве партии возникла «дискуссия» по поводу отношения между НЭПом и «социализмом». Эта «дискуссия» обострилась после смерти Ленина и, естественно, перешла в борьбу

за лидерство в партии. В октябре 1923 г. появилось «Письмо 46-ти», в котором критиковалось ЦК с позиций «левой оппозиции». В 1923-1924 гг. Зиновьев, Каменев, Сталин возглавили «поход» против Троцкого. В это время Сталин поддерживал «бухаринскую» программу НЭПа («мирное вращение крестьянина в социализм»). В свою очередь «школа Бухарина» (партийная молодежь) поддерживала Сталина. Его поддерживали также Рыков (председатель Совнаркома) и Томский (председатель ВЦСПС). Уже в 1925 г. Сталин и Бухарин вместе выступили против Каменева и Зиновьева. На XIV съезде партии (в декабре 1925 г.) «ленинградская оппозиция» (во главе с Зиновьевым) выступила против Сталина. Однако Зиновьев и Каменев вошли в новый состав Политбюро (вместе с Бухариным, Рыковым, Сталиным, Томским и Троцким).

В 1926-1927 гг. Сталин и Бухарин выступили против Троцкого, Зиновьева и Каменева («Объединенная оппозиция»). Основной вопрос «разногласий»: возможно ли «построение социализма в отдельной взятой стране», т.е. в СССР. В декабре 1927 г. произошел окончательный разгром «Объединенной левой оппозиции».

Итак, казалось бы, победили сторонники «ленинской» НЭП (Бухарин и Сталин). Но НЭП к тому времени уже, практически, не было. Официально она была «отменена» в 1928 г., после возвращения Сталина из поездки в январе на Урал и в Сибирь (по вопросу «хлебозаготовок»). По его предложению в ЦК было принято Постановление о временных «чрезвычайных мерах» (насильственное изъятие хлеба у крестьян). А.И. Микоян был назначен «уполномоченным» по исполнению «чрезвычайных мер», его помощниками: Каганович, Жданов, Шверник, Андреев. Против «чрезвычайных мер» возражали Бухарин, Рыков, Томский. Министр сельского хозяйства А. Смирнов (секретарь ЦК) «подал в отставку». Так, в 1928-1929 гг. сложилась в ЦК «правая оппозиция» Сталину (Бухарин, Рыков, Томский). Угланов (1-й секретарь Московского комитета с 1924 г.), поддерживавший до этого Сталина, перешел также в «правую оппозицию». Здесь уже главный вопрос «дискуссии» – отказ от всякой дискуссии – вопрос о «единстве партии».

Одновременно началась кампания борьбы против «саботажа» в промышленности, т.е. фактически, против оппозиции заявленной программе «индустриализации». 10 марта 1928 г. состоялся суд по «Шахтинскому делу», по которому проходило 55 человек, в основном техническая интеллигенция. В апреле на заседании ЦК, на котором обсуждалось решение о «правой оппозиции», Сталин впервые заговорил о «внутренних врагах». В июле на заседании Политбюро произошел окончательный разрыв Бухарина со Сталиным. Но Пленум ЦК занял компромиссную позицию. В это время (после смерти Дзержинского) новое руководство ОГПУ возглавили Менжинский, Ягода, Трилиссер.

19 сентября Куйбышев объявил программу «индустриализации», одобренную еще XV съездом партии. Сталин перешел в атаку против «бухаринцев». 8 октября Политбюро осудило публикацию Бухарина в «Правде» против «индустриализации». Бухарин был назван «авантюристом». Редакции «Правды» и «Коммуниста» были очищены от «бухаринцев». В ноябре Угланов был освобожден от должности 1-го секретаря Московского комитета партии (заменен Молотовым). Бухарин в это время «отдыхал» в Кисловодске. По его возвращению, произошла его «стычка» со Сталиным. Рыков и Томский подали в отставку. Тогда Сталин «отступил»...

Но в течение 1929-1930 гг. была проведена «чистка» в ЦК партии и ИК Коминтерна, которой руководил Молотов. Из партии было исключено 170 000 человек (11%). В декабре 1929 г. на VIII съезде профсоюзов, на котором выступили Куйбышев и Каганович, Томский потерпел поражение и в июле был заменен Шверником.

Так, в 1929 г. началась «революция сверху», которая в основном была завершена к 1936 г.

В январе 1929 г. Политбюро проголосовало («тройка» Бухарин, Рыков, Томский – против) за высылку Троцкого (находившегося в ссылке в Алма-Ата) из Советского Союза (в феврале он был выслан в Турцию). Политбюро и ЦКК (председатель Орджоникидзе) «осудили» Бухарина («антипартийный блок»). 3 февраля Бухарин, Рыков, Томский представили Политбюро «документ» против Сталина (?). 16-23 апреля на Пленуме ЦК прозвучало обвинение Бухарина в убийстве Ленина. В ответ Бухарин выступил с «обвинительной» речью против Сталина. Но «тройка» вновь осталась в Политбюро. Однако в руководстве к этому времени уже сложилась «гвардия Сталина»: Орджоникидзе, Куйбышев, Косиор, Петровский, Киров.

21 декабря 1929 г. скромно, но заметно, было отмечено 50-летие Сталина.

В 1931-1934 гг. была осуществлена «коллективизация», вследствие которой в 1932-1933 гг. от голода погибло свыше 10 млн. человек. Но в результате было создано 250 тысяч «колхозов» (вместо 25 млн. крестьянских хозяйств).

В 1932 г. М.Рютин (накануне был снят с поста секретаря Московского комитета партии) и др. выступили с «антисталинской» программой. Сталин был взбешен и потребовал для него «смертной казни», но не был поддержан в Политбюро (его поддержали только Молотов и Ворошилов). Тогда еще действовал «негласный запрет» на расстрел членов партии. После этого застрелилась жена Сталина Н. Аллилуева («близкий друг» Бухарина). В 1933 г. были прекращены аресты и ссылки членов партии.

Некоторые из «опальных» были тогда «прощены» и возвращены к активной деятельности (Каменев, Зиновьев и др.).

Но уже в 1934 г. было арестовано около 1 млн. членов партии (из 2,8 млн.). Аресты «оппозиционеров» начались задолго до убийства С.М. Кирова, который как руководитель Северо-Западного региона (от Ленинграда до Архангельска) принимал активное участие в этой «кампании». На XVII партии С.М. Киров («друг Сталина») был избран секретарем ЦК. 270 делегатов голосовали против кандидатуры Сталина в состав ЦК. Как следствие этого, в течение года из 1966 делегатов съезда 1108 было арестовано. Из 139 избранных членов и кандидатов в члены ЦК партии впоследствии было уничтожено 110.

1 декабря 1934 г. произошло убийство Кирова в Ленинграде. Сразу же были вновь арестованы Зиновьев и Каменев и тысячи их «сторонников» (прежде всего в Ленинграде).

В январе 1935 г. был снят с поста секретаря ВЦИК Абель Енукидзе («интендант Кремля», старейший друг Сталина еще по Кавказу), в последствии был арестован и расстрелян. В январе «неожиданно» умирает В. Куйбышев (председатель СНХ).

В 1936-1939 гг. были проведены массовые аресты. Если в 1928 г. было 30 тысяч «политзаключенных», то в 1933-1935 гг. – 5 млн., в 1939 г. – 9 млн.

19 августа 1936 г. начался 1-й «Московский» процесс «Террористического центра», по которому проходили Зиновьев, Каменев, (в первый раз они уже были осуждены в 1935 г.), и еще 14 человек. Прокурор Я. Вышинский обвинил главных подсудимых в убийстве Кирова. На процессе были упомянуты имена Бухарина, Рыкова, Томского (застрелился 22 августа). Все осужденные были казнены. Началась кампания «критики» Бухарина в печати. Орджоникидзе, Косиор, Постышев, Чубарь выступили против «травли» Бухарина. 10 сентября «Правда» сообщила о прекращении «дела Бухарина». Но Г. Ягода («друг» Бухарина) был заменен Н. Ежовым и вскоре арестован.

23 января 1937 г., начался (и длился 7 дней) 2-й «Московский» процесс, по которому проходили, как «шпионы» и «диверсанты», Пятаков, Радек, Сокольников и еще 14 человек. Вновь прозвучали имена Бухарина и Рыкова. 13 человек были казнены. Радек и Сокольников расстреляны позже. Бухарин объявил «голодовку». 18 февраля 1937 г. произошло самоубийство Орджоникидзе (после жесткого разговора со Сталиным). 23 февраля 1937 г. состоялся Пленум ЦК партии, на котором выступил Н. Ежов с обвинениями против Бухарина (в его присутствии, как члена ЦК). 27 февраля ЦК вынесло Постановление об аресте Бухарина.

2 марта – 13 марта 1938 г. состоялся 3-й «Московский» процесс по делу о «Правотроцкистском антисоветском блоке» (Бухарин, Рыков, Крестинский, Ягода, Раковский, – всего 19 человек: 5 наркомов и государственных руководителей, 3 секретаря республиканских ЦК, личные секретари Горького, Куйбышева, Ягоды и 3 кремлевских врача). Процесс проходил в Колонном зале Дома Советов (300 «зрителей», включая дипломатов и корреспондентов) под руководством «тройки» Военной комиссии Верховного суда под председательством Ульриха. Прокурор Вышинский обвинил подсудимых в покушениях на Горького, Куйбышева и... Сталина, а также – Ленина! Троцкий был осужден заочно. 12 марта Бухарин произнес «оправдательную» речь. Все осужденные были казнены 15 марта как «враги народа».

К 1939 г. 70% из состава партии вступили в партию после 1919 г. (3% – до 1917 г.).

Из «ленинского» состава ЦК ВКП(б) 1922 года (27 человек): умерли В.И. Ленин (1924), М.В. Фрунзе (1925). Ф.Э. Дзержинский (1926), В.В. Куйбышев (1935), покончили жизнь самоубийством М.П. Томский (1936) и Г.К. Орджоникидзе (1937), были расстреляны как «враги народа»: в 1936 г. – Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, И.Н. Смирнов, в 1938 г. – Н.И. Бухарин, Н.Н. Крестинский, И.А. Зеленский, Я.Э. Рудзутак, А.И. Рыков, в 1939 г. – В.Я. Чубарь, (Г.Я. Сокольников убит за границей), в 1940 г. – К.Б. Радек, (Л.Д. Троцкий убит за границей), в 1941 г. – К.Г. Раковский. Итого погибли 15 человек – почти 60% состава ЦК. И лишь 8 членов ЦК (включая самого Сталина) избежали репрессий и умерли «своей смертью», четверо из них: А.А. Андреев, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Г.И. Петровский – пережили своего Вождя.

Такова краткая хронология политических репрессий 30-х годов. Именно в это время зарождается мифология «сталинизма», создаваемая формирующимся «ближним кругом» нового Вождя.

В годы горбачевской «гласности» в советской прессе 80-х годов о Сталине писали не так уж много. Считалось, что после хрущевской «сталинианы» трудно найти что-либо сенсационное. Но некоторые журналисты и публицисты решились на переоценку некоторых распространенных мифов.

Например, в «Литературной газете», (9 августа 1989 г.) была опубликована «дискуссия» между известными публицистами и писателями под названием «Портрет без ретуши». Участники дискуссии, А. Адамович, Ф. Бурлацкий, Д. Волкогонов и др., спорили о том, каким должен быть «литературный портрет» исторического персонажа, в частности И.В. Сталина.

Дмитрий Волкогонов тогда сказал: «С 30-х годов наша история начала походить на полуночную безлюдную улицу, на которой иногда появлялся только один человек – с характерным профилем,

трубкой и усами». Генерал-писатель задал сакраментальный вопрос: «Кто же есть Сталин?» И сам на него ответил: «Я пришел к мнению, что это человек с очень сильным, но очень злым умом. Некоторые считают, что он был невеждой. Нет. Сильный интеллект, но – злой. Человек с очень сильной волей, но злой волей. Человек с феноменальной памятью, но злой памятью. Верил в один, «универсальный» метод решения любых проблем – насилие. И одной злой страсти: любил на свете только одну власть, власть, власть, и больше ничего. ...Все мещанские блага – тлен и прах. Кроме власти. ...Вот в чем был смысл».

С ним согласился Федор Бурлацкий: «...Фанатизм власти, обуревающий цезарей, становится в конце концов их лимитом, лишает предвидения...»

Лидер вначале взлетает как пробка из шампанского, а потом – где эта пробка? Вспомним Гитлера. Как много успел в несколько лет! Такая популярность в народе, такие экономические достижения в стране, такое национальное единство, которого не было в Германии никогда. И – полный крах! Да, провидение есть в истории...

Фанатизм господства детерминирует крах».

Алесь Адамович был более строг «...Мне кажется, сегодня очень важно почувствовать ничтожество кровавых деспотов. Это не исключает того, что кто-то из них гений злодейства, гений предательства, гений лицемерия, гений интриг. Но гений в непререкаемых кавычках».

Советские «мудрецы» обсуждали личность Сталина с точки зрения «комплекса незаконности» и «царственности» происхождения, называли его «паханом» и «принцем Великой идеи».

Бурлацкий, рассуждая о психологии «тиранов» XX века, отметил между ними одну «общую черту»: «Они – выходцы «из народа». Полуинтеллигенты. Они венчают охлократию – власть толпы. ...Все они отличались не только фанатизмом, уверенностью в себе, но колоссальным комплексом неполноценности». Он вспомнил Н.Макиавелли, который якобы сказал, что «политика и мораль существуют отдельно». И добавил от себя: «В политике на первом месте всегда – сама власть. А как и на что ее употребить – уже второй вопрос».

С ним согласился Волкогонов: «Думаю, что многие трагедии нашей советской истории как раз и произошли потому, что политика была не в союзе с нравственностью».

Перечитывая сегодня этот материал, трудно не обратить внимание на то, что публицисты 80-х годов, рассуждавшие о Сталине, может быть, сами не замечая того, использовали тот же *сталинский* метод мышления, даже его терминологию. «Сталинские эпигоны» – лучше не скажешь! Эти люди, мнившие себя «критиками» Сталина, не понимали того, что они в принципе не могли выйти за пределы сталинской парадигмы: «власть и ее враги». Перестановка местами «слагаемых» этой парадигмы представляла «дурную бесконечность».

Тогда рождаются мифы...

Одним из таких распространенных в 80-е годы мифов была «паранойная» легенда о Сталине (запущенная в советскую печать еще самим Н.С.Хрущевым).

Журналист Олег Мороз в «Литературной газете» (28 сентября, 1988 г.) в статье «Последний диагноз» описал действительно имевший в декабре 1927 года случай обследования Сталина известным психиатром В.М.Бехтеревым, который вскоре умер (в возрасте семидесяти лет). «...Неожиданную смерть Бехтерева, однако, сразу стали связывать с консультацией, которую он перед тем дал Сталину». Позже (через 12 лет) появилась версия, что Бехтерев был отравлен.

Между прочим, Бехтерев дважды осматривал Ленина во время его болезни, но остался жив...

Правда, журналист вспоминает и такую «версию», что знаменитого психиатра могла отравить его молодая жена, которая впоследствии исчезла. Но в пользу версии о том, что к смерти Бехтерева был причастен Сталин, автор полагает тот факт, что в 30-е годы погибли все члены его семьи.

«Считается: Сталин убивал людей именно для того, чтобы удержаться у власти, действовал целенаправленно и логично. Но для этого вовсе не требовалось убивать миллионы. ...Стотысячные, миллионные убийства логически никак не оправданы, – пишет журналист. – ...Как, например, взывая к логике, понять маниакальное уничтожение командного состава Красной армии в самый канун ужасающей войны?»

Аналогия с «паранойей» Ивана Грозного здесь напрашивается сама собой. На это очень легко списать все «преступления» Сталина. «Сумасшедший – что возьмешь!»

Но О.Мороз сомневается: «... Если прав Бехтерев, если Сталин, действительно, страдал паранойей, – то что? В конце концов, тирания – сама по себе тяжкий недуг. Слово «паранойя» мало что к этому добавляет. Разве что подвигает разговор ближе к медицине».

Вопрос философский: что «первично» – тирания или паранойя?!

Известный немецкий писатель Леон Фейхтвангер, посетивший Советский Союз в конце 1936 – начале 1937 года, в Амстердаме выпустил свою небольшую книжку «Москва 1937» (сразу же переведенной и изданной в нашей стране), в которой писатель описывал свою беседу со Сталиным (о «безвкусовом, преувеличенном преклонении перед его личностью»): «...Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что он знает, какую наивную радость доставляет праздничная суматоха ее

устроителям, и знает, что все это относится к нему не как к отдельному лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем перманентная революция» («Московские новости», № 44, 30 октября 1988 г.).

Понятно, что немецкому писателю явно хотелось верить, что в стране, чьи идеалы были бесконечно дороги ему, все вершится по законам гуманизма и справедливости.

Еще один «миф» – о «мудрости» Великого Вождя всех народов.

Так, Генрих Волков в своей статье «Вознесение» («Советская культура» от 7 июня 1988 г.) рассказывает о том, как Сталин «сделался великим философом».

«Сталин в молодости питал слабость к философии, хотя всерьез философией никогда не занимался».

Как следствие исхода (1922 г.) из Советской России русских философов «на философском фронте» победившей революции ощущалось сильное понижение «интеллектуального уровня». В 20-е годы философскую мысль «под знаменем марксизма» возглавил некто А.М. Деборин, который вскоре (вместе с Н. Бухариным) стал «академиком». Но, начиная с 1929 года, в прессе и научных дискуссиях усилилась критика «школы Деборина», который был обвинен в «меньшевистствующем идеализме».

Один из рьяных критиков М.Б. Митин тогда писал: «Тов. Сталин указал, что необходимо разворошить и перекопать весь хлам, который навален в вопросах философии и естествознании, ... разворошить все, что написано деборинской группой... Тов. Сталин показал, что в лице деборинской группы мы имеем глубоко враждебную марксизму идеологическую агентуру меньшевизма, – вреднейшую антимарксистскую группу, которая должна быть разоблачена до конца».

В 1930 г. Митин сменил Деборина на посту редактора журнала «Под знаменем марксизма».

После этого появилась книга «История ВКП(б). Краткий очерк», под редакцией товарища Сталина. В этой книге присутствовал раздел «О диалектическом и историческом материализме», написанный, очевидно, самим редактором.

«Как популярное изложение марксизма, как пособие по «ликбезу» в области философии эта работа была не хуже, а может быть, и лучше многих других», – пишет Г. Волков. – «Она тотчас была объявлена вершиной марксистско-ленинской мысли».

Ученики Деборина, в том числе Ян Стэн, были арестованы и расстреляны, но самого Деборина лишь «лишили возможности печататься». Митин стал академиком и членом ЦК ВКП(б).

Этот «миф» о «мудром» Сталине попытался реанимировать и Николай Федоренко, в сталинские времена бывший сотрудником советского посольства в Китае (впоследствии ставший главным редактором журнала «Иностранная литература»). В «Правде» (23 октября 1988 года) он описал «ночные беседы» Сталина с Мао Цзэдуном на «даче» в Кунцево во время пребывания в Москве делегации китайского руководства в 1949 году (КНР была провозглашена 1 октября 1949 г.). Федоренко присутствовал на этих встречах в качестве переводчика.

«...Невозможно, однако, отрицать, что Сталин обладал какой-то гипнотической силой, грозностью, демонической державностью. Весь его облик, манера держаться, беседовать, как бы говорили окружающим, что власть должна быть таинственной, ибо сила власти – ее неразгаданность. Отсюда и культ его личности окружен загадочностью, секретностью, окутан великой таинственностью».

Переводчик отмечал, что «высший элитарный симбиоз», окружавшие Сталина люди, в личном общении оказались, «куда как менее значительными, чем в кремлевских их кабинетах за огромными казенными столами, в неподвижных дубовых креслах». «...Многие из них почти ничего не читали. Отечественной литературы не знали. О писателях судили порой по сплетням о них и всякого рода скабрезных слухам. Об иностранных авторах не имели ни малейшего представления. Но невежество не способно примириться с тем, что оно чего-то не постигает. Ограниченность инстинктивно презирало предмет своего непонимания, рисуя его врагом. Стыдно было каждый раз, когда в беседе с иностранными друзьями некоторые из номенклатурной элиты проявляли такое невежество, которое переводить было просто позорно».

На приеме в честь китайской делегации присутствовали: Берия, Маленков, Хрущев, Ворошилов, Микоян, Шверник, Суслов, Булганин.

Федоренко считал, что, в отличие от своего «окружения», Сталин представлялся «человеком незаурядным, волевым, прекрасно информированным». При этом Сталин был «одаренным лицедеем», «великим манипулятором». Он тонко разбирался в окружающих его людях. Вместе с тем он отмечал у Сталина «обостренную подозрительность», «патологическую мнительность». Он «в каждом видел злонамеренность».

Эта «теодицея» Сталина присутствует как лейтмотив большинства публикаций 80-х годов.

Авторы этих, иногда претендующих на сенсацию, очерков и статей упорно не замечали (или «делали вид...») противоречивости, «несстыковки» их сентенций с фактами, которые они же и «обнаруживали». Мотивация поведения Сталина в определенных обстоятельствах небрежно оставлялась

«за рамками» публикаций. В результате было непонятно, как «мудрый», хотя и «суровый», Вождь мог поступать или принимать решения столь неразумно и не дальновидно.

Одним из таких немотивированных «преступлений» Сталина является так называемое «Дело Тухачевского», за которым последовал разгром командования Красной армии и флота. Исходя из мифа о «патологической мнительности» Сталина, еще можно понять, почему он расправился с «красными маршалами» (в том числе и со своим личным другом еще с гражданской войны – маршалом Егоровым!). Тирану всегда мерещатся заговоры! Но, исходя из «здорового смысла», невозможно объяснить мотивы уничтожения руководства армии практически на всех его уровнях, причем в разгар «военной реформы» (переход от территориально-мобилизационного «ополчения» к регулярной армии) и накануне новой Мировой войны.

Версия объяснения поведения Сталина тогда в 1937 году «дезинформацией», подкинутой ему гитлеровской разведкой, выглядит неубедительной по причине очевидной абсурдности.

В 1988 году в газете «Советская Россия» (18 сентября 1988 г.) появилась публикация «Дело Тухачевского», в которой на основе документов полно освещались обстоятельства этого «дела».

«На XXII съезде партии Н.С. Хрущев заявил, что руководство гитлеровской Германии через свою разведслужбу подбросило Сталину сфабрикованные документы – «доказательства» заговора, возглавляемого маршалом Тухачевским и другими видными военными руководителями, а также «сведения» об их сотрудничестве с вермахтом».

В 50-60-х годах сведения о «деле Тухачевского» неоднократно появлялись в печати. Об этом упоминали в своих мемуарах Бенеш и Уинстон Черчилль, а также руководящие сотрудники секретной службы безопасности фашистской Германии Вильгельм Хеттль (Вальтер Хаген) и Вальтер Шелленберг. Вальтер Шелленберг в своих «Мемуарах», изданных в Кельне в 1959 году, способствовал широкому распространению версии о том, как Бенеш попался на удочку фашистской «фальшивки», что она, дескать, прошла по линии: Гитлер – Гейдрих – германский агент в Праге – Бенеш. Но эта диверсия была не так проста, как она была изложена ими.

В советской публикации излагалась версия современного западногерманского историка И. Пфаффа о том, как и кем было сфабриковано «дело Тухачевского». «...Одна из самых значительных и, увы, удачных провокаций германского фашизма».

В середине декабря 1936 года Гитлер одобрил план, предложенный Гейдрихом, дать ход «фальшивым документам». В начале 1937 года Шелленберг приступил к выполнению этого плана. Канарис, якобы, участвовать в этом «деле» отказался. Тогда при помощи СС пришлось выкрасть из его кабинета необходимые материалы.

И. Пфафф опровергает тезис о советском происхождении «фальшивки».

Чехословакию и СССР к тому времени уже два года связывал «договор о взаимной помощи».

«Так, министерство иностранных дел Чехословакии уже в апреле 1936 года в доверительном порядке «узнало» от белоэмигрантов, проживающих в Праге о существующих якобы планах советского армейского руководства, направленных против Сталина, после свержения которого заговорщики намеривались установить дружеские отношения с Берлином и отказаться от обязательств Советского Союза по договору о взаимной помощи с Чехословакией».

В это время посол Германии в СССР граф Шуленбург сообщал в Берлин, что не отмечается никаких признаков напряженности в отношениях между Сталиным и Тухачевским, а также другими генералами. Германское военное министерство на основе разведанных категорически заявило, что ни Тухачевский, ни другие советские генералы не поддерживают никаких связей с троцкистской оппозицией и не помышляют о военном заговоре против Сталина.

Президент Бенеш 7 мая 1937 года уведомил в Праге о «военном заговоре» посла СССР в Чехословакии Александровского, а 8 мая переслал этот материал в виде личного секретного послания Сталину. 11 мая 1937 года маршал Тухачевский, вместе с другими, был арестован и по приговору суда 11 июня расстрелян. Скоропалительность ареста и расправы поразительна даже для «сталинских» методов. С этого начались репрессии в отношении офицерских кадров Красной Армии.

Из доклада заместителя начальника Генерального штаба Чехословакии генерала Богумила Фиала (9 ноября 1937 г.):

«... Наша делегация, посланная для проверки состояния подготовки Красной армии, возвратилась с тревожными итогами, превзошедшими самые мрачные ожидания».

Поток массовых репрессий – насколько мы могли определить, казнено не менее 2000 офицеров – вызывает опасения относительно внутреннего разложения армии, ослабления ее оперативной ударной силы, а также готовности к действию, относительно ее неспособности вести наступательные действия и далее из-за неимения тактического и стратегического опыта новых молодых командиров, которые тысячами в звании лейтенантов стали командирами полков, а майоров – командирами дивизий. Мы констатируем ужасную слабость в области управления войсками, стратегии и тактики, далее мы

констатируем устаревшее оснащение, недостаток техники и вооружения, которые в нашей армии уже есть давно...»

Уничтожив командный состав армии и флота, Сталин накануне войны поставил страну на грань военного разгрома. Понять, почему он это сделал, невозможно, если исходить из мифологизированного образа «мудрого» Вождя.

Здесь опять философская дилемма. Либо «заговор» в армии действительно был, но тогда возникает вопрос, почему Сталину понадобилась «помощь» его чехословацкого «друга» Бенеша для расправы над «заговорщиками». О таком масштабном заговоре в армии не могли ни знать советские спецслужбы. Это – абсурд! Либо «заговора» не было, (и немцы провели блестящую операцию по «дезинформации»), тогда, очевидно, что Сталин оказался «в дураках». Так что: как ни верти, но легенда о «военном заговоре» (факт которого до сих пор не подтвержден ни одним документом, кроме протоколов признаний «подсудимых») развенчивает миф об *абсолютном авторитете* Вождя.

Дальнейшее развитие событий серьезно ставят под сомнение мифы о «прозорливости» и «дальнозоркости» Сталина. Советско-германский пакт, который «развязал руки» Гитлеру в Европе, заблокировал фактически военную подготовку Красной армии и страны к предстоящей войне.

В связи с этим показательна судьба одного из «подопечных» Л.П. Берия, о котором написал Ярослав Голованов в статье «Золотая клетка. 1367 дней из жизни Андрея Туполева» («Литературная газета», 9 ноября 1988 г.)

«...Самолеты Туполева установили 78 мировых рекордов и совершили 28 уникальных перелетов. Их конструктор получил пять Сталинских и Государственных премий, Ленинскую премию, стал трижды Героем Социалистического Труда».

За один 1933 год Туполев был награжден тремя орденами. «Самолеты Туполева были одними из основных самолетов наших ВВС (истребители И-4, И-14, бомбардировщики ТБ-1, ТБ-3, ТБ-7, СБ, морские самолеты МДР-4, МДБ-2. На ТБ-1 5 марта 1934 года А.В. Лапидевский вывез первую партию челюскинцев в льдины. Когда Туполев был уже в тюрьме на его самолете Гризодубова, Осипенко, и Раскова совершили перелет на Дальний Восток. Машины Туполева воевали на Халкин-Голе.

Туполев был арестован 21 октября 1937 года. Обвинили его в руководстве «русско-фашистской партии». Туполев «признался» и назвал «соучастников». По «делу» Туполева проходило более 20 крупных авиационных специалистов. Кроме Туполева и Петлякова, все были расстреляны. До суда над Туполевым, в феврале–июле 1938 года, были расстреляны директор ЦАГИ Николай Михайлович Харламов и другие руководители института и авиационного завода.

В 1938–1940 гг. Туполев написал заявления, в которых пытался объяснить свои «признания».

Заочный суд над Туполевым и другими состоялся 28 мая 1940 года. Туполев обвинялся в том, что в феврале 1935 года, находясь в Париже, он якобы передал сведения о наших истребителях и легких бомбардировщиках самому Денену – министру авиации Франции. Кроме того, он был обвинен также в гибели Лапидевского при неудачной попытке в 1937 г. перелететь в Америку через Северный полюс (самолет Лапидевского так и не был найден).

Из письма Туполева Берия (13 июня 1940 года) после сообщения о приговоре:

«Я обращаюсь с просьбой, учитывая всю мою работу на пользу Советского Союза по созданию воздушного флота, отмените решение военной коллегии, восстановите меня в правах советского гражданина и предоставьте мне полноценную возможность и далее быть полезным Советскому Союзу созданием новых военных и гражданских самолетов».

Во время суда «осужденные» уже работали в Особом конструкторском бюро НКВД («шарашке»). Когда Туполев прибыл, там находилась большая группа «зеков», специалистов-авиационников. Позже группа Туполева была переведена в Москву («шарашка» на Яузе), где уже работали две группы Петлякова и Мясищева. По списку Туполева были затребованы из ГУЛАГа специалисты.

Голованов пишет: «Берия, который был умнее Ягоды и Ежова, вместе взятых, в десять раз, изучив опыт своих предшественников, понимал, что наступило время, когда непрерывное кровопускание требует замены видимостью свободы. ...Он заметил: все чаще ставит Сталин вопросы о военной технике. На заседании Главного Военного совета 17 апреля 1939 года Сталин говорит, что «культ традиции и опыта гражданской войны помешали... перестроиться на новый лад, перейти на рельсы современной войны. ...Еще в 1929 году, не где-нибудь, а в Бутырках зеки по главе с Поликарповым сделали истребитель И-5, который почти девять лет был на вооружении».

О начале войны Туполев и другие узнали по радио. 19 июля 1941 года он (и около 20 ближайших его сотрудников) на основании Постановления Президиума Верховного Совета Союза ССР от наказания досрочно был освобожден со снятием судимости. Но «реабилитирован» Туполев был только в 1955 году!

После этого остается только поражаться примитивности еще одной популярной легенды о «мудром» Вожде, которая рассказывает о том, что Сталин якобы был «вероломно» обманут Гитлером. Мол, Сталин к Гитлеру с искренними чувствами «дружбы и взаимопомощи», а тот, неблагодарный, – с «коварными намерениями». Опять та же дилемма: либо Сталин был настолько «мудр», что обманул

Гитлера (и получил два года для подготовки страны к войне), либо был настолько глуп, что позволил Гитлеру столь легко его «обыграть» и заставить «врасплох». Но здесь факты опять говорят сами за себя: в течение этих двух лет Гитлер завоевал половину Европы (другая половина присоединилась к нему в качестве «союзников»), а Советский Союз, оказавшийся в полной международной изоляции, не был готов к войне! Известно, что в 1939 году вооружение и численность советских войск в 1,5-2 раза превосходило германские войска, к 1941 году – наоборот, Красная армия фактически была лишена современного вооружения и дезорганизована.

В 1988 году в «Неделе» (№ 42) была начата публикация книги Овидия Горчакова (написанной еще в 1956 году) «Накануне или трагедия Кассандры». Автор книги, очевидно, имел доступ к конфиденциальным документам, выдержки из которых составляли основное содержание книги. Из донесений зарубежной агентуры (1941 год) совершенно ясно, что «вероломное» нападение Германии на Советский Союз не было неожиданным для его руководства. Здесь приводились копии донесений Рихарда Зорге и многих других агентов, по которым было очевидно, где и когда германские войска начнут свое вторжение.

Из одного из многих сообщений Рихарда Зорге (справка РУ ГШКА):

«5 марта 1941 г. Прислана микропленка телеграммы Риббентропа послу Германии в Японии генералу Отту с уведомлением, что Германия начинает войну против СССР в середине июня 1941 года»

Из справки министра наркома иностранных дел А.Я. Вышинского;

«10 апреля. По дипломатическим каналам стало известно, что Гитлер встретился с югославским принцем Павлом и сообщил ему, что Германия пойдет войной против России в конце июня».

3 мая 1941 года состоялась встреча советского секретного агента с советником Германского посольства в Москве фон Б.

Из сообщения агента: «Фон Б. сказал, что Сталин поступил очень мудро, сняв еврея Литвинова и назначив на его место арийца Молотова. Убрав Литвинова, Сталин отказался от политики коллективной безопасности и укрепления Лиги Наций. Фон Б. со смехом заявил, что Сталина толкнули в объятия фюрера те самые кретины из правительства Великобритании и Франции, которые теперь сокрушаются из-за германо-советского пакта о дружбе и ненападении и льют слезы над «польской колбасой».

«По его словам, именно Молотов, (на советско-германских переговорах 15-21 августа в Москве с послом Шуленбургом), явно действуя от имени Сталина, предложил заключить пакт о ненападении. Гитлер был в восторге от предложения Молотова, переданного ему 16 августа... В тот же вечер Гитлер сообщил, что безоговорочно принимает советское предложение. ...Приближался день 1 сентября – день нападения на Польшу. ...19 августа ...Молотов вручил фон дер Шуленбургу проект пакта о ненападении. Граф фон дер Шуленбург, выезжая из Кремля, был на седьмом небе».

23 августа германская делегация во главе с Риббентропом прилетела в Москву. Вечером Сталин и Молотов приняли Риббентропа в Кремле. На трехчасовом совещании Сталин произнес тост за фюрера: «Я знаю, как велика любовь германской нации к фюреру. Поэтому я хочу выпить за его здоровье». Прощаясь, Сталин заявил, что готов поручиться честным словом, что «лично он никогда не нарушит мир».

Известно, что Рузвельт еще 5 июля пытался предупредить Сталина против соглашения с Германией, уверяя, что «если правительство Сталина пойдет на такое соглашение, то с той же неизбежностью, с какой ночь сменяет день, Гитлер нападет на Советский Союз, как только победит Францию»

18 сентября русские войска встретились с немецкими под Брест-Литовском.

В Берлине с большим удовлетворением узнали о речи Молотова 31 октября на сессии Верховного Совета, в которой он заявил: «Правящие круги Польши немало кичились «прочностью» своего государства и «мощью» своей армии. Однако оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора... Правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов, против гитлеризма... Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой... Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемую фальшивым флагом борьбы за «демократию».

Продолжения публикации Овидия Горчакова не последовало!

Поразительно, почему столь «принципиальный» Сталин не расстрелял после «вероломного» вторжения германских войска на территорию Советского Союза министра иностранных дел В.М. Молотова, вдохновителя «пакта о ненападении», и *маршала* госбезопасности Л.П. Берия за «дезинформацию»?! Ответ один – за это преступление перед советским народом несет ответственность сам «мудрый» Вождь!

Между тем до сих пор непоколебимым остается миф о Верховном главнокомандующем во время Великой Отечественной войны. Даже Н.С. Хрущев не осмелился на него посягнуть!

Но, опять же, факты!

Так называемая «финская война», спровоцированная Сталиным по надуманному предлогу, была выиграна с большим трудом. При этом потери Красной армии почти в пять раз превышали потери финской армии. «Блестящая» военная операция на Халкин-голе была проведена с огромными неоправданными человеческими потерями. За то, что не были согласны с такой военной «стратегией», были расстреляны генерал Штерн (участник войны в Испании и «победитель» Маннергейма) и маршал Василий Блюхер (герой гражданской войны и командующий ДВО). Тогда воссияла на военном небосклоне звезда «героя Халкин-гола» комкора Г.К. Жукова.

Сам Г.К. Жуков (как его называли на фронтах: «Сталин в армии») отзывался о Верховном Главнокомандующем весьма сдержанно. В своей книге «Воспоминания и размышления» (вышедшей впервые в 1970 году) он не позволил себе критиковать его, но и воздержался от подобострастных дифирамбов. Как грамотный военачальник Жуков не мог ни заметить дилетантизма Сталина в военных вопросах, который был очевиден особенно в предвоенные и первые годы войны.

В 1989 году в газете «Правда» (20 января 1989 года) младшая дочь Жукова опубликовала заметки отца «Коротко о Сталине», которые не вошли в его книгу. Записки маршала начинаются со слов: «...До 1940 года со Сталиным я лично никогда не встречался». Затем он пишет о том, что «Сталин уже в начале 30-х годов не стал особенно считаться с Центральным Комитетом партии. ...Во всей своей деятельности он стал опираться на Политбюро и Секретариат ЦК...» В 1937-1939 гг. «...из-за навязанного страха и отсутствия в Политбюро ЦК партийной чуткости по вине Сталина были загублены многие тысячи виднейших работников партии, вооруженных сил – преданных патриотов Родины и талантливых руководителей страны».

Близко узнав Сталина в период 1941-1946 гг., Жуков попытался его «досконально изучать». «...Но было очень трудно понять его». «Мне казалось, – пишет Жуков, – что Сталин, будучи органически не связанным с народом и с его трудовой деятельностью, с его жизненными условиями, с думами и переживаниями, познавал жизнь народа по докладам членов Политбюро и Секретариата...»

Он отмечает, что после ряда серьезных оперативных неудач, особенно на юге страны, когда Сталин, полагаясь на боевой опыт таких «героев гражданской войны», как Буденный, Ворошилов, Кулик, Тимошенко и др., фактически сам пытался руководить войсками и фронтами, (что привело к огромным потерям), у Сталина хватило «мужества» передать «Верховное» военное командование Г.К. Жукову и другим компетентным генералам.

«И, надо отметить, с этого момента Сталин почти не принимал решений по вопросам организации операций, не посоветовавшись со мной.

Почти всю войну я пользовался его расположением и доверием...», – пишет Жуков.

В результате, как свидетельствует он, «под конец войны, точнее после битвы на Курской дуге, Сталин в целом неплохо разбирался в военных вопросах».

И все-таки маршал подчеркивает особую, и очень важную для понимания природы «культы личности» Сталина, его черту: «...Сталин при проведении крупнейших операций, когда они нам удавались, как-то старался отвести в тень их организаторов, лично же себя выставить на первое место, прибегая для этого к таким приемам, когда становилось известно о благоприятном ходе операции, он начинал обзванивать по телефону командование и штабы фронтов..., и этим самым создавал видимость, что их Верховный Главнокомандующий зорко стоит на своем посту, крепко держит в своих руках управление проводимой операцией».

«Сталин хотел завершить блистательно победу над врагом под своим личным командованием, т.е. повторить то, что сделал в 1813 году Александр I, отстранив Кутузова от главного командования и приняв на себя верховное командование с тем, чтобы прогарцевать на белом коне при въезде в Париж во главе русских доблестных войск, разгромивших армию Наполеона».

В начале марта 1946 года Сталин предложил Жукову пост Главнокомандующего сухопутными войсками и первого заместителя наркома обороны. Назначение гражданского партийного деятеля Булганина (бывшего Председателя Горсовета Москвы) министром обороны с присвоением вскоре ему звания «маршала» (!) было откровенным оскорблением не только Жукова, но и других «маршалов» войны! «Булганин очень плохо знал военное дело и, конечно, ничего не смыслил в оперативно-стратегических вопросах», – пишет Жуков. Но Сталину «он нужен был как ловкий дипломат и беспрекословный его идолопоклонник».

В последствии на одном из заседаний Главного Военного Совета, на котором присутствовал Сталин, генерал С.М. Штеменко (секретарь Главвоенсовета) зачитал заявление арестованных ранее главного маршала авиации А.А. Новикова и бывшего адъютанта Жукова подполковника Семочкина, давших показания против Жукова. «...Основная суть сводилась к тому, что маршал Жуков нелояльно относится к Сталину, считает, что он – Жуков, а не Сталин вершил главные дела во время минувшей войны, что якобы Жуков неоднократно вел разговоры, направленные против Сталина. Якобы я во время войны сколачивал вокруг себя группу недовольных генералов и офицеров».

В своих выступлениях Молотов, Берия и Булганин «критиковали» Жукова за «неблагодарность» к Сталину за его «хорошее отношение», обвинили его в «заснайстве», в том, что он «не хочет считаться не только с авторитетом Политбюро, но и лично Сталина», призывали поставить его «на свое место».

Однако большинство выступавших маршалов поддержало Жукова. В итоге Жукова сняли с должности Главкома сухопутных войск и отправили командовать войсками Одесского военного округа, вывели из состава ЦК.

«В 1947 году была арестована большая группа генералов и офицеров и главным образом те, кто когда либо работал со мной. ...Всех их физически принуждали признаться в подготовке «военного заговора» против сталинского руководства, организованного маршалом Жуковым. Этим «делом» руководили Абакумов и Берия.

Их усилия сводились к тому, чтобы арестовать меня. Но Сталин не верил, что якобы я пытаюсь организовать военный заговор, и не давал согласия на мой арест», – пишет Жуков.

На XIX съезде партии Сталин лично рекомендовал ввести Жукова в состав ЦК КПСС.

«За все это неблагоприятное время Сталин нигде не сказал про меня ни одного плохого слова. И я был, конечно, благодарен ему за такую объективность», – заканчивает свои воспоминания маршал Г.К. Жуков.

Понять логику поведения Сталина по отношению к Жукову можно. При всей своей амбициозности Сталин знал, кто и когда ему нужен («Кадры решают все»). Но при этом он не позволял этим людям вырываться слишком далеко вперед, держал их на «коротком поводке». Те, кто не понимали этого и воображали о себе, что они действительно что-то значат, быстро «теряли голову». Вождь терпеть не мог «непонятливых». И очень легко с ними «расставался».

Это Сталин продемонстрировал еще раз во время так называемого «Ленинградского дела».

О нем вспомнили в 1988 году («Неделя», №40, 1988 г.).

Инициаторами этого дела были Г. Маленков, Л. Берия и В. Абакумов, которые видели в появлении в Москве ленинградцев А. А. Кузнецова и Н. А. Вознесенского прямую угрозу своей карьере. Во время войны Сталин выражал свою личную симпатию Кузнецову и Вознесенскому, фактически руководителям города во время «Ленинградской блокады». В 1946 году они оба были переведены в Москву (Кузнецов – секретарем ЦК, Вознесенский – председателем правительства РСФСР). Однажды Сталин в «ближнем кругу» разоткровенничался и назвал обоих «ленинградцев» своими преемниками.

В декабре 1948 года было начато «ленинградское дело» под предлогом нарушений при выборах во время Ленинградских областных и городских конференций. Сталин поручил провести проверку Маленкову. На объединенном Пленуме ОК и ГК Ленинграда Маленков делал доклад «об антипартийных действиях члена ЦК Кузнецова и кандидатов в члены ЦК Родионова и Попкова». Якобы они самовольно и незаконно провели в Ленинграде Всесоюзную оптовую ярмарку, что привело к «разбазариванию государственных товарных фондов», что причинило государству «значительный материальный ущерб». Маленков заявил, что Кузнецов с Попковым вынашивают идею создания компартии России, о переводе правительства РСФСР из Москвы в Ленинград.

Следствие вел «скоростным методом» министр госбезопасности Абакумов. В сентябре 1950 года выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР приступила к рассмотрению уголовного дела, возбужденного против А.А. Кузнецова, Н.А. Вознесенского, М.И. Родионова, П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина, П.Г. Лазутина. Все они были обвинены в измене Родине, контрреволюционном предательстве, участии в антисоветской группировке и приговорены к высшей мере наказания. В то время в стране смертная казнь была отменена, но пока велось следствие, ее снова ввели. На суде Кузнецов не признал себя виновным и во всеуслышание заявил: «Я был большевиком и остаюсь им, какой бы приговор мне не вынесли, история нас оправдает».

Состоялись еще несколько процессов, на которых были приговорены к высшей мере наказания многие активисты Ленинградской партийной организации. Вся семья Вознесенского была уничтожена, в том числе и брат А.А. Вознесенский, (бывший ректор Ленинградского университета, а затем министр просвещения). Были расстреляны руководители Ленинградского управления МГБ, милиции и военного округа. Были осуждены многие ленинградцы, уже работавшие в других районах страны, в том числе в Москве. Всего свыше 260 человек. Особенно жестоко обошлись с женами Кузнецова и Вознесенского. Такого массового процесса не было с 1937 года. Все они были реабилитированы только 27 марта 1988 года!

Надуманность и несостоятельность обвинений, предъявленным «ленинградцам» совершенно очевидны. Также как и очевидна неадекватность суровых приговоров и расправ. Сегодня известно и то, какую «ошибку» допустил сам Кузнецов: «Занимаясь кадрами, в том числе и госбезопасности, проявил требовательность, критиковал неправильные решения. А министру госбезопасности Абакумову предложил докладывать ЦК о делах в министерстве. В то же время, а это было, пожалуй, самым опасным – Кузнецов стремился выяснить до конца причины убийства С.М. Кирова, под руководством которого многие годы был на комсомольской и партийной работе в Ленинграде. ...А главное то, что вновь

назначенный секретарь ЦК проявил самостоятельность и по-серьезному отнесся к задаче проверки бериевского министерства».

Вероятно, здесь причина была та же, что и в случае с отставкой Жукова и с арестами фронтовых маршалов и генералов. «Ближний круг» Сталина, как и он сам, понимали, что нужно «поставить на место» фронтовое поколение, вышедшее из войны победителем. Миф о Великом Вожде во время войны был поколеблен. В конце 40-х годов машина репрессий стала набирать новые обороты.

В 80-е годы в периодической печати активизировалась кампания по «реабилитации» Сталина, инспирированная якобы «снизу», от имени «народа».

Доктор исторических наук Василий Поликарпов так прокомментировал в «Неделе» (№3, 1989 г.) подборку писем «читателей»:

«...Сталина из истории не вычеркнешь, что его неправильно отделять от революции. Можно добавить к этому: нужно до конца изучить его место в революции – на тех этапах, когда он шел в рядах ленинской партийной гвардии, связанный в своих действиях нормами поведения этой гвардии, и на других этапах, когда во имя честолюбивых планов установления личной диктатуры изменил ленинизму и опозорил его знамя. И нечего распространять вину Сталина в отходе от ленинизма на всю партию. ...Он важен для понимания связанных с его деятельностью трагических страниц нашей истории как тип, как наиболее полное олицетворение того широкого явления, которое не случайно получило определение «сталинщина» – по его имени».

«Там, где жупелы, там и фетиши – эти знаки духовной несвободы человека и общества», – написал в статье «Идолы и жупелы» публицист Николай Потапов («Правда», 31 марта 1989 года).

«В какой журнал ни ткнишь: Сталин, Сталин, Сталин... Налицо «второе пришествие» Иосифа Виссарионовича в литературу. Среди авторов документальных и беллетристических работ – страстотерпцы ГУЛАГовского ада, знатоки всех его «кругов», готовые тягаться с самим «суровым Дантом». По этому поводу он заметил, что «мы пока еще воспринимаем Сталина больше эмоционально, чем исторически».

Он весьма иронично высказался о тех своих коллегах, которые спорят между собой о том, достоин ли Сталин пера Шекспира.

«В рассуждениях о параметрах личности Сталина никуда не деться от того, ...что в марафонски изнурительной борьбе за абсолютную власть он «переиграл» других претендентов на первенство, исхитрился выставить их в самом невыгодном свете перед партией и народом. А ведь его главные соперники – люди незаурядного интеллекта... Видимо, придется оставить при Сталине и железную волю и организаторскую хватку, и расчетливый, коварно-изворотливый, может быть, дальновидный ум, и непреклонность фанатичного служителя догмы, умело подававшего себя как последовательного ленинца. Ну а по части жестокости он едва ли не утесом высится в ряду известных истории кровавых властителей».

Потапов заметил, что «истребление тьмы тьмущей «врагов народа» сопровождалось пропагандистской фетишизацией самого понятия народ», который использовался «в качестве пьедестала для земного полубога».

В конце своей публикации он пришел к выводу: «Мы... – дети сталинщины».

С этим следует согласиться. «Гении» и «злодеи» рождаются в одно время. И.В. Сталин неотделим от своего времени. Люди, сформировавшиеся в эпоху «сталинизма», своим мышлением и мироощущением, являясь носителями ее системы ценностей, ее морали, идеологии и культуры. Люди «сталинской эпохи» принадлежат к поколению определенного социально-психологического типа. «Сталинизм» – это единство менталитета и образа жизни. И «антисталинизм» – это обратная сторона «сталинизма», как две противоположности они обуславливают друг друга. Советские «антисталинисты», по сути, являются *апологетами* «сталинизма», критикуя «плохого» Сталина.

Когда же эпоха уходит в прошлое, становится историей, тогда рождается *мифология*. «История» – это, прежде всего, *рассказ*. Нужно ли историю непременно «очищать» от мифологии? Ответить на этот вопрос не так просто. Приблизит ли, например, разрушение мифов о Петре «Великом» и Екатерине «Великой», как и других канонизированных легенд отечественной истории, к так называемой «*исторической правде*»? История – наука *аксиологическая*. «Демонизация» и «геронизация» личности – это, в одинаковой степени, формы ее мифологизации.. «Дегеронизация» имеет своим следствием «демонизацию». А *демифологизация* истории опасна её *профанацией*.

Так *демифологизация* личности Сталина влечет за собой разрушение *мифологического цикла* всего «советского периода» истории XX века.

Библиографический список

1. Портрет без ретуши / А. Адамович [и др.] // Литературная газета. —1989. — 9 авг.
2. Мороз О. Последний диагноз / О. Мороз // Литературная газета. —1988. — 28 сент.

3. Плутник А. Москва, 1937, или как Леон Фейхтвангер грозил Гитлеру кулаком Сталина / А. Плутник // Московские новости. — 1988. — № 44.
4. Волков Г. Вознесение. О том, как Сталин сделался великим философом / Г. Волков // Советская культура. — 1988. — 7 июня.
5. Федоренко Н. Ночные беседы / Н. Федоренко // Правда. — 1988. — 23 окт.
6. «Дело» Тухачевского // Советская Россия. — 1988. — 18 сент.
7. Голованов Я. Золотая клетка. 1367 дней из жизни Андрея Туполева / Я. Голованов // Литературная газета. — 1988. — 9 ноябр.
8. Горчаков О. Накануне или трагедия Кассандры, повесть в документах (1956 г.) / О. Горчаков // Неделя. — 1988. — № 42.
9. Жуков Г.К. Коротко о Сталине / Г.К. Жуков // Правда. — 1989. — 20 янв.
10. Бардин С. «Ленинградское дело» глазами очевидцев / С. Бардин // Неделя. — 1988. — № 40.
11. Легенда о товарище Сталине (подборка писем читателей), комментарий доктора ист. наук Василия Поликарпова // Неделя. — 1989. — № 3.
12. Потапов Н. Идолы и жупелы / Н. Потапов // Правда. — 1989. — 31 марта.

Поступила в редакцию 06.05.2008 г.